

УДК 930.1

А. В. Демидович

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ЛЕСНАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В XVI — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА

Рассматриваются экономические мероприятия правительства Великого Княжества Литовского (далее — ВКЛ) в лесном хозяйстве. Реформы, проводимые великокняжеским правительством в лесном хозяйстве в XVI веке, отвечали сформировавшейся благоприятной экономической конъюнктуре, обусловленной ростом торговли с Западной Европой, усиленным спросом на лесное сырьё. Экономические мероприятия, проведённые правительством в лесном хозяйстве, ликвидировали старые формы эксплуатации лесных богатств, разграничили государственные леса с частными владениями, усилили охрану пуш и лесов, зафиксировали и проверили права частных лиц на использование лесных ресурсов, оптимизировали повинностное и податное положение зависимого населения, проживающего на лесных территориях, а главное, были направлены на рациональное и планомерное ведение лесной хозяйственной деятельности и торговли лесными товарами.

Ключевые слова: лесное хозяйство, экономика ВКЛ, эксплуатация лесных хозяйств, реформирование лесной отрасли.

Введение. На современном этапе социально-экономического развития Республики Беларусь приоритетными в исторической науке являются вопросы реформирования экономических отраслей, связанных с экспортом товаров за границу, что обусловлено необходимостью обеспечить экономическую безопасность и сохранить стабильность в стране. Важной проблемой современного развития государства является реформирование лесной отрасли и организация рациональной и эффективной торговли лесными богатствами страны. Этот процесс на территории Беларуси был предпринят ещё в далёком историческом прошлом. Анализ экономических методов, изучение полученных результатов, несмотря на историческую давность и специфические условия хозяйственной деятельности, позволят современникам избежать стратегических ошибок в организации экономической деятельности лесной отрасли и торговли природными богатствами.

Научная актуальность исследования развития лесной отрасли и торговли лесными товарами определила основную цель статьи: на основе системного анализа охарактеризовать основные этапы реформирования

лесного хозяйства великокняжеским правительством в XVI веке, раскрыть основные экономические методы организации и ведения лесного хозяйства и торговли его продукцией.

Исследование проводится в рамках научно-исследовательской темы «Сохранение национальной идентичности: прошлое, настоящее, перспективы» кафедры социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Барановичский государственный университет».

В российской дореволюционной, советской и постсоветской белорусской исторической науке обобщающих работ, посвящённых истории развития лесного хозяйства и торговли лесными товарами в ВКЛ в XVI веке, не создано. Существующая историческая литература по рассматриваемой тематике касалась лишь отдельных сторон исследуемого предмета.

Статья базируется на источниках отечественной позитивистской исторической литературы, в частности, приоритетное место отводится трудам В. Ф. Голубева, А. П. Грицкевича, Д. И. Довгялло, М. В. Довнар-Запольского, З. Ю. Копысского, В. И. Пичеты и др.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования материала, изложенного в рассматриваемой статье, является системный подход, учитывающий современные общенаучные достижения. Теоретико-методологическую основу составляют принципы объективизма и историзма. Для освещения рассматриваемой проблемы в статье широко использовались как общенаучные методы (обобщение, анализ, синтез, сравнение, индукция, дедукция и классификация), так и традиционные специально-исторические методы исторического познания (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный).

Организация исследования. Данная работа является комплексным исследованием развития лесного хозяйства и торговли лесными товарами в ВКЛ в XVI веке. Представленное исследование локализовано хронологически и тематически. При подготовке статьи автор придерживался позиции концептуального видения экономического развития ВКЛ XVI века историков-позитивистов В. И. Пичеты и М. В. Довнар-Запольского. Существенным моментом развития ВКЛ XVI века является проведение грандиозных хозяйственных реформ в непростых социально-политических условиях.

Следовательно, выбор автором статьи рассматриваемой тематики не случаен. Лесное хозяйство и торговля лесными товарами составляли значительную часть внешне-торгового экспорта ВКЛ в XVI веке. Лесные мероприятия правительства способствовали формированию денежно-рыночных отношений в ВКЛ, содействовали установлению тесных экономических отношений со странами Западной Европы.

При определении хронологических рамок исследования (начало XVI — первая треть XVII века) автор учитывал временные рубежи, обусловленные ходом и содержанием экономических процессов (от первых мероприятий правительства в рамках аграрных

устав 1514 и 1529 годов, аграрной реформы 1557 года, лесной ревизии 1559 года, Кнышинской лесной устави 1567 года до Бобруйской устави 1626 года), т. е. последовательным и логичным ходом экономического процесса, обусловленного внутренними и внешними закономерностями хозяйственного развития страны.

Результаты исследования и их обсуждение. В условиях натуральной сельской экономики для внешней торговли страны важным элементом являлось лесное хозяйство. Связанное с Западной Европой древними торговыми связями, ВКЛ традиционно поставляло на экспорт преимущественно меха пушных зверей, воск и мёд, имевшие широкий спрос на внешнем рынке. Торговый спрос на лесные товары во многом определял налоговую политику в государстве в начале XVI века. Об этом свидетельствовали существовавшие в Жмуди, Придвинье, Приднепровье и других лесных местностях куньи, бобровые и медовые натуральные дани податного населения. В более заселённых местностях с развитым земледелием выплата натуральных податей являлась анахронизмом [1, с. 325].

Торговля в ВКЛ развивалась по традиционным водным путям: продукты лесного хозяйства по Бугу и Висле сплавлялись в Гданьск, по Неману — в Кёнигсберг, по Западной Двине — в Ригу. Речные артерии связывали государство с Западом и вовлекали его в русло западноевропейских экономических отношений.

Как отмечал М. В. Довнар-Запольский, в первой половине XVI века население ВКЛ начинает интенсивную эксплуатацию лесных богатств, целые местности Подвинья, Приднепровья и Полесья были сплошь заняты бортничеством и бобровничеством, заготовкой строевой древесины, золы и смолы, а сельское хозяйство здесь являлось вспомогательным занятием. Однако возможности добычи пушного зверя в стране быстро уменьшались, дорогой пушной зверь к этому

времени ушёл из местных пуш. В XVI веке в лесах осталась лишь куница, быстро исчезающая как объект добычи [2, с. 187]. Поэтому для охотничьего промысла остались лисица, горностаи, белки, выдры, барсуки, рыси, волки, лани, лоси и особенно бобры. По этой причине более богатые пушные промыслы соседнего московского государства оставляли ВКЛ вне рыночной конкуренции, и продукты охоты, будучи экспортным лесным товаром, постепенно начинают уходить на второй план.

Во второй четверти XVI века для хозяйства ВКЛ складывается более благоприятная торговая конъюнктура. Развивающаяся в этот период мануфактурная промышленность в странах Западной Европы, рост городского населения, развитие торговли и военного флота приморских стран и одновременно упадок сельского хозяйства в Англии, Италии и Германии после войн и внутренних междоусобиц порождали спрос на промышленное сырьё сельского и лесного хозяйства. Поэтому ВКЛ становится важным поставщиком этой продукции на западноевропейский рынок. Хлеб, кожи, скот, пенька, лён, мех пушных зверей, лес, древесная зола, смола, дёготь, кора, поташ, орехи, мёд и воск, вывозимые из великокняжеских земель, находили себе прекрасный сбыт в западноевропейских странах. Цены на лесные продукты с каждым годом на рынке росли всё быстрее. Наблюдалось изменение цен на отдельные товары: сильное повышение стоимости леса и золы, падение цен на меха, воск и мёд, служившие ранее главными предметами экспорта [2, с. 187]. Вследствие этого великий князь, феодалы и купцы были очень заинтересованы в увеличении производства своей лесной продукции для вывоза её за границу.

В начале XVI века преобладающая часть пуш и лесов принадлежала великому князю, однако права эксплуатации лесных богатств и свободного входа в пуши лиц различных сословий определялись обычаем («старинной») или великокняжескими пожаловани-

ями. Жители сёл и городов, представители феодального сословия на основании так называемой «старины» или же уставных грамот пользовались правами входа в леса для охоты, ловли бобров, заготовки дров, мёда и сена, сбора ягод и грибов, а также для других хозяйственных нужд. К тому же, благодаря «старине» и раздаче великим князем земель (вместе с лесами), сельские и городские общины, а также феодальное и духовное сословия обладали значительным фондом лесной территории.

Следует отметить, что точных границ лесных великокняжеских территорий, как и досконального перечня прав на вход в леса населения различных сословий, не существовало. Великокняжеская власть, в случае отсутствия у феодалов или податного населения уставных грамот на права входов в лесные пуши, признавала «старину» и не препятствовала жителям эксплуатировать лесные богатства. Однако значительное увеличение вывоза за границу лесных товаров поставило перед правительством вопрос о планомерном регулировании использования лесных ресурсов.

Великий князь и его правительство с начала XVI века осуществляют ряд экономических мероприятий, направленных на повышение производительности и доходности лесного хозяйства. Цель великокняжеской лесной хозяйственной политики заключалась, главным образом, в удовлетворении потребностей внешнего рынка. Как отмечал в своей монографии В. И. Пичета, «перелом в лесной хозяйственной политике совпадает с попытками правительства перейти к более рациональным формам ведения сельского хозяйства. Параллелизм этих явлений очевиден и находится в тесной связи с тогдашней общеевропейской хозяйственной конъюнктурой» [3, с. 249].

Прежде всего, великокняжеское правительство стало более осторожно обращаться с раздачей в частные руки лесных фондов и прав на входы в пуши. Уже в период правления Сигизмунда I государственные дворы

отдавались в держания феодалов, а леса, к ним принадлежащие, оставались в собственности великого князя.

Экономические мероприятия правительства по усилению контроля над использованием лесных ресурсов нашли своё первоначальное отражение в аграрной уставе 1514 года. Для хозяйственных потребностей великокняжеского двора и приписанных к нему крестьян разрешалось использовать лес лишь с разрешения великокняжеской администрации (державцев), заготавливать на дрова только сухой лес, державцам категорически запрещалось использовать лес и его продукты для собственных нужд. Жителям частновладельческих городов и местечек, а также феодальным и церковным крестьянам было строго запрещено входить в великокняжеские леса за дровами и по прочим нуждам без особого административного дозволения. Державцы должны были заботиться о рациональном использовании лесных богатств: разведении бортовых деревьев и сборе мёда, ловле бобров и рыбы, охоте, использовании лесных сенокосов. В местах, пригодных для земледелия и животноводства, державцам предписывалось разбивать пашни и пастись скот. Фиксировались и устанавливались платы и повинности с категорий промысловых крестьян, проживающих на лесных территориях.

Аграрная устава 1529 года не только повторяла требования предыдущего документа и предписывала усиление административного надзора за статьями доходов от дворового леса в целях более высокой продуктивности, но и стремилась обеспечить максимально рациональное использование рабочей силы проживающего там зависимого населения. Количество людей в разных специальных службах должно было быть согласовано с потребностями дворового хозяйства. В целях увеличения количества тяглого населения для обработки увеличивавшихся площадей дворовых земель определённая часть жителей, занимавшихся лесным промыслом, переводилась в разряд тяглых крестьян. Все натуральные доходы лесного хозяйства подлежали

продаже на рынке, а деньги, вырученные за проданное сырьё, следовало отправлять в государственную казну [4, с. 136].

Подобная же политика правительства в отношении лесных ресурсов прослеживается в очередном аграрном предписании правительства, известном под названием «Наказ старостам и державцам», вышедшем накануне аграрной реформы. Дворовой администрации данный документ не только предписывает рационально использовать лесные ресурсы, увеличивать денежные подати и повинности с населения, но и запрещает промышленную эксплуатацию леса. По убеждению В. И. Пичеты, такая позиция правительства объясняется желанием вести планомерную и рациональную эксплуатацию природных богатств под руководством специалистов и пристальным контролем государственной казны [4, с. 137].

Однако экономические нововведения в рамках аграрных мероприятий первой половины XVI века для лесной хозяйственной деятельности не давали существенных результатов. Во-первых, все правительственные предписания, направленные на рациональное использование лесных ресурсов, были территориально ограничены (на население, приписанное к Виленскому и Трокскому замкам), во-вторых, их действие распространялось на прилегающие к великокняжеским дворам лесные территории, которые не имели промыслового значения, в-третьих, правительственные инструкции пронизаны недоверием к хозяйственному управлению местной дворовой администрации и направлены на централизацию их экономической деятельности, лишая тем самым хозяйственной инициативы и самостоятельности многочисленными инструктивными предписаниями.

Не имея возможности взять полностью эксплуатацию лесного хозяйства в государственные руки, правительство сдаёт некоторые лесные массивы в аренду купцам (как местным, так и иностранным), которые получают право эксплуатации лесов на определённых

условиях и на установленный срок под надзором великокняжеской администрации. Размер арендной платы, вносимой в государственную казну, как указывает В. И. Пичета, зависел от количества выработанных лесных товаров. «Не зная точно цен в Гданьске и не умея в них ориентироваться, правительство требовало, чтобы купцы, при возвращении из Гданьска, показывали, какое количество товара они выработали, и уплатили бы его стоимость по гданским ценам. Для проверки показаний купцов скарбные писари с осочниками должны были осмотреть те места, “где будучи купцы робили дерево”, чтобы на месте выяснить, “как много где эта дерева попелу и смолы будучи выробили”» [3, с. 251].

Такая хозяйственная политика, по мнению В. И. Пичеты, преследовала две финансовые цели: в государственное казначейство поступала денежная плата за аренду леса от купцов, а предприниматели при вывозе лесных товаров за границу или спуске их по воде платили соответственные таможенные пошлины [3, с. 250].

Однако подобная аренда купцами казённых лесов приводила к разного рода злоупотреблениям. Многие из арендаторов приступали к разработке леса «без господарского дозволения», при разработке арендных массивов постоянно нарушались отведённые администрацией границы участков, феодалы и крестьяне при разработке лесов также жгли и вырубали государственные леса, постоянно укрывалось истинное количество леса, выработанного предпринимателями, часть леса арендаторы использовали для собственных нужд, отмечались факты сговора купцов с представителями власти и многие прочие финансовые нарушения.

Такого рода злоупотребления постоянно вынуждали правительство производить специальные расследования, результатом чего явилось постановление, защищавшее интересы государственной казны: иностранные купцы, не имевшие оседлости, должны были предоставить на себя поручителей, а живущие постоянно — дать финансовые гаран-

тии. Это являлось ручательством того, что убытки, нанесённые государству предпринимателями, могут быть покрыты. Однако правительство при слабости тогдашнего надзора, несмотря на предпринимаемые меры, не могло должным образом бороться со всякого рода злоупотреблениями, и государство от этого несло большие финансовые потери.

О важности лесного хозяйства и торговли его продуктами для экономики страны в XVI веке свидетельствует законодательство ВКЛ. В Статуте 1529 года имеется специальный раздел, посвящённый нарушению владельческих прав и преступлениям против собственности на лесные богатства, имеющий название «О ловы, о пуцу и бортное дерево и озёра, о бобровые гоны, о соколие гнёзда и о хмелище» (раздел IX). Аналогичные разделы содержат Статуты 1566 и 1588 годов.

С течением времени развитие лесной торговли ставило вопрос о радикальной перемене всей хозяйственной лесной политики правительства. Существующая система производства лесных товаров и сбыта их на внешнем рынке была экономически малоэффективна для государства. Основную финансовую выгоду от лесной торговли извлекали купцы-арендаторы. Сильную неудовлетворённость от существующей лесной хозяйственной политики испытывало феодальное сословие. Не имея профессиональных навыков предпринимательской деятельности, а главное, торгового капитала, шляхта ВКЛ взять под контроль лесную торговлю не могла. Лесная предпринимательская деятельность купцов подрывала лесную торговлю феодалов, нанося последним большие финансовые убытки, чем вызывала откровенную зависть. Чтобы полностью устранить конкуренцию в лесной торговле со стороны местных и иностранных купцов, шляхта ВКЛ обратилась с просьбой к Сигизмунду-Августу о введении государственной монополии на торговлю лесом. Финансовая убыточность существующей практики ведения лесной хозяйственной деятельности и торговли, а также отсутствие возможности осуществлять

над ними систематический контроль привели к установлению великим князем и сеймом в 1547 году государственной монополии на лесную торговлю.

Введя монополию на лесную торговлю, государство стало активно предпринимать меры к охране природных богатств, усиливая контроль над эксплуатацией леса со стороны подвластного ему населения, в том числе и феодалов, активно отбирая у них права на входы в пуши. К тому же с момента введения монополии купцы и феодалы должны были доставлять лес на государственные оптовые склады и продавать его великокняжеским агентам, получая плату по установленным монопольным ценам. Данные склады находились в Ковно, Бресте, Дриссе и в Салатах на Жмуди. Такая хозяйственная политика государства затронула экономические интересы феодалов, чем вызвала их нескрываемое недовольство. Финансовые затраты на военную службу, приходившиеся на феодальное сословие, заставляли шляхту активно отстаивать свои экономические интересы. Неудовлетворённость лесной политикой государства феодалы решительно и настойчиво на протяжении ряда лет высказывали на сеймах. Так, на втором Виленском сейме 1551 года жмудская шляхта, которая больше всех несла экономические убытки ввиду близости внешнего рынка, открыто не критикуя лесную политику правительства, высказала прошение о получении от великого князя права «абы бояром, шляхте и посполитому человеку, водле давного обычая вольно было в пушах зверь бити, и дерево на будованье братии, и в озерах рыбы ловити» [3, с. 252]. Остальная шляхта ВКЛ также не была равнодушна к вопросу о ведении лесной монополии.

По всей вероятности, введение лесной монополии 1547 года не дало феодалам ожидаемых экономических выгод. Это объясняется тем обстоятельством, что правительство в определённый момент было не заинтересовано в экспорте лесных товаров, которым занимались как купцы-арендаторы, так

и феодалы, естественно, оно больше заботилось о вывозе собственных лесных продуктов за рубеж. Как отмечал В. И. Пичета, «господарь как крупный оптовик убивал своих конкурентов и стремился извлечь для себя наибольшую выгоду из введенной лесной монополии, но шляхта не могла примириться с таким положением дела и стала постепенно добиваться его изменения» [3, с. 253].

Великий князь, понимая замысел жмудской шляхты, отказался давать какой-либо ответ на это прошение, отдав вопрос на рассмотрение по каждому отдельному случаю нарушения шляхетских прав Жмудскому старосту. Относительно второй просьбы жмудской шляхты по лесному вопросу, чтобы «товары лесные з имений шляхетских вольно были пропусканы за границу», Сигизмунд-Август также дал компромиссный ответ. Великий князь признал право свободного вывоза за границу лесных товаров, полученных от разработки лесов феодалами, при этом собственник должен был отплатить за отправку своих лесных продуктов произвести за счёт своих личных капиталов, без привлечения посреднических финансов. К тому же феодал на таможене обязан был уплатить соответствующие пошлины. Относительно лесных товаров, вывозимых феодалами на экспорт, полученных ими от разработки купленного и арендного леса, а также перекупленных лесных товаров, то монополия по отношению к ним сохраняла своё прежнее действие. Эти лесные товары должны были складываться на «коморах складовых», и там за них уплачивалась определяемая на сеймах сумма.

Не удовлетворённые такой позицией великого князя, феодалы, стремясь уничтожить лесную монополию, поднимают на третьем Виленском сейме 1554 года вопрос о «вольной» торговле, усиливая его требованием «безмытной торговли», мотивируя это необходимостью шляхты нести военную службу за счёт собственных средств, но получают от Сигизмунда-Августа аналогичный ответ. Великий князь настойчиво обещал собирать таможенные пошлины «водле старого

обычаю». На четвёртом Виленском сейме 1559 года, феодалы, не требуя отмены лесной монополии, снова выдвигают вопрос о беспошлинной торговле собственными лесными товарами. На этот раз великий князь разрешил беспошлинный вывоз леса за границу, но под условием присяги служебника, что этот лесной продукт принадлежит собственно феодалу и разработан на его личный капитал. По всей вероятности, такая экономическая уступка феодалам, не в пользу, разумеется, финансовым поступлениям в государственную казну от таможенных сборов, объясняется проводимой аграрной реформой, взволновавшей феодалов и затронувшей её экономические интересы, но главное, начавшейся Ливонской войной и необходимостью привлечения шляхты к военной службе.

Таким образом, напряжённая сеймовая борьба на протяжении почти десятка лет по вопросу лесной хозяйственной политики, несомненно, свидетельствует об экономической цене рассматриваемой проблемы.

Для дальнейшего планомерного и рационального ведения лесного хозяйства, устранения многочисленных злоупотреблений, особенно захвата великокняжеских лесов феодалами, на коронном Петроковском сейме в декабре 1558 года было принято решение провести «описанья всех пущ, у великом князстве Литовском и переходов звериных». Главным ревизором был назначен мстибоговский староста Григорий Богданович Волович. Описание (ревизия) государственных пущ и лесов 1559 года должно было охватить всю территорию ВКЛ. Задачи лесного хозяйственного мероприятия заключались в следующем:

– описать границы великокняжеских пущ и лесов, чтобы точно отграничить государственные лесные владения от феодальных и прочих лесных территорий;

– определить наличие и качество охраны государственных пущ и лесов;

– выявить количество великокняжеских уступов, на которых уже проводилась в том или ином виде разработка лесных богатств;

– установить, какая часть леса и на каком основании находится в пользовании и владении частных лиц;

– разобраться, какие учреждения и какие лица имеют законное основание для входа в государственные леса в целях их эксплуатации;

– организовать рациональное управление лесным хозяйством и контроль над ним.

Необходимо отметить, что задачами грандиозной лесной ревизии 1559 года было основание сёл в целях ведения земледелия и строительство охотничьих домов для великого князя. Стремление правительства увеличить площадь, занятую сельскохозяйственными культурами, по утверждению В. И. Пичеты, тесно связано с основными задачами аграрной реформы Сигизмунда-Августа. «Задачи и цели ревизии пущ и звериных переходов вполне соответствуют основным принципам уставы на волоки, и конечно, её следует считать прямым дополнением к предпринятой и начатой уже земельной реформе» [3, с. 255].

Ход, характер и продолжительность проведения ревизии 1559 года детально показать сложно, ввиду отсутствия соответствующих источников. Сохранилось описание только части лесных угодий на территории Жмуди. Ревизия, проводимая Григорием Воловичем, выявляла только приблизительно бескрайние границы великокняжеских пущ, выясняла количество казённых сёл, расположенных в лесных территориях, площадь обрабатываемой земли и сенокосов, определяла численность зависимого населения, проживающего в лесных зонах, характер их служб, податей и повинностей, наличие лесных ресурсов (разрабатываемых лесных участков, количество бортных деревьев, бобровых ловов, езов и прочего).

Одновременно с ревизией 1559 года в русле аграрной реформы Сигизмунда-Августа проводились хозяйственные мероприятия там, где они не были осуществлены ранее: раздавались волоки и создавались сёла в лесных зонах, пригодных для земледелия, устанавливался контроль над использованием

лесных сенокосов, речных езов, поощрялось расширение бортничества и ловля бобров, а также проводилось регулирование прав на входы в леса и оптимизация повинностных служб проживающего там населения, направленная на расширение тяглых повинностей. Устава на волоки 1557 года и ревизия 1559 года предписывали перевод повинностного населения с натуральных податей на денежные платежи. Все эти мероприятия были апробированы на практике ещё в ходе проведения аграрных реформ королевы Боны в 1552—1555 годах на территориях, принадлежащих собственно великому князю. Необходимо отметить, что королева Бона широко приступила к эксплуатации лесов путём заключения договоров с купцами-предпринимателями на разработку арендуемых у неё участков.

Аграрные мероприятия проводились на тех лесных территориях, которые были малоэффективны для промышленных лесных разработок направляемых на экспорт лесных товаров или находились в местах, отдалённых от речных и сухопутных транспортных артерий. В этом случае дворовый лес использовался только для хозяйственных нужд и потребностей собственного двора и проживающего там повинностного населения. В местах же, предназначенных для промыслового ведения лесного хозяйства, наоборот, проводились мероприятия по ликвидации активной аграрной деятельности населения, способной нанести ущерб лесному потенциалу страны.

Стремление правительства рационализировать использование ресурсов лесного хозяйства можно увидеть на примере установления плат и повинностей населения восточных областей ВКЛ в 1560—61-м годах. На основании описи Гомельской, Дубровницкой, Горбовицкой и Свислочской волостей можно проанализировать деятельности правительства по изменению налоговой политики в отношении населения, проживающего на лесных территориях. При установлении плат и повинностей с подвластного населения ревизоры одновременно составляли описи великокняжеских владений,

включая описание лесных ресурсов. Проведённые ревизии показали слабость земледелия во многих районах и важность лесных промыслов. На непригодных для дворового земледелия лесных территориях правительство стремилось максимально перейти от выплаты населением натуральных платежей и исполнения повинностей к денежному оброку. При этом платы и повинности населения фиксировались, пересматривались и регулировались, по возможности, на основании «старинны». В земледельческих районах правительство стремилось, наоборот, перевести население на тяглые повинности, уменьшить количество промысловых служб [5, с. 27].

При этом денежная плата за охоту в разных местностях была дифференцирована количеством лесных ресурсов. Так, например, в Дубровницкой волости за охоту с каждой крестьянской службы взималась плата в размере 3—8 грошей. Были установлены денежные платы за ловлю бобров, которые зависели от прибыльности бобрового промысла и колебались от 1 до 10 грошей. В Гомельском старостве, более богатом на лесные ресурсы, эти повинности были значительно больше. Плата за охоту, рыболовство и ловлю бобров взималась с села в целом. За охоту в Гомельском старостве взимались платы от 20 до 80 грошей, за рыболовство — от 15 до 120 грошей, за ловлю бобров — также от 15 до 120 грошей. Без изменения оставались только платы за установку езов — 6 грошей [6, с. 134].

Производство лесной ревизии 1559 года сопровождалось целым рядом хозяйственно-административных мероприятий со стороны великокняжеской администрации, прежде всего, проверкой права частных лиц на входы в государственные пущи, леса и на озёра. Созданные Григорием Воловичем и помогавшими ему проводить ревизию осочниками, землевладельцы обязаны были предъявить документы для доказательства на право входа в казённые леса. Иногда некоторые феодалы сами хлопотали о подтверждении собственных прав, чтобы избавиться от

претензий государственных чиновников. Но многие шляхтичи и бояре не имели никаких документов и свои права на входы в государственные леса обосновывали только единственной ссылкой на «старину». В таком случае, как правило, власть сохраняла права частных лиц на входы в лес, но в главном вопросе феодалам было отказано: промышленная эксплуатация пушч осталась привилегией только государственной казны. Проведённая проверка этих прав показала широкий масштаб существующих злоупотреблений со стороны землевладельцев. Ревизия показала также, что охрана пушч и лесов находилась на неудовлетворительном уровне, были отмечены факты недостаточного количества осочников, а иногда и их полное отсутствие.

Описывая государственные леса и пушчи, ревизоры Григория Воловича должны были принимать деятельные меры к правильному ведению лесного хозяйства и устранять все существующие этому препятствия. Иногда ревизорам приходилось переселять расположенные близко к лесам великокняжеские и частновладельческие сёла, наносившие вред лесному хозяйству, передавать в руки государства озёра, выдавая при этом жителям и владельцам должную земельную и прочую отмену.

По данным В. И. Пичеты, в великокняжеских пушчах находилось небольшое количество сёл, их размеры были невелики, что определяется характером крестьянских повинностей, и предназначались они, как правило, не для земледелия, а для ведения определённых промысловых служб. Разработка леса под пашню почти не начиналась до середины XVI века, за исключением тех мест, где была произведена земельная реформа (как, например, в Жмуди). В государственных пушчах и лесах проживали обычно бортники, подлазники, бобровники, осочники, ловчие, стрельцы, кое-где — тяглые люди. По характеру повинностей преобладали данники [3, с. 258—259].

После проведения ревизии 1559 года сохранились прежние методы ведения государственного лесного хозяйства. Великокня-

жеское правительство, не имея необходимых технических средств и организационных возможностей, а также финансовых капиталов, было лишено возможности приняться за самостоятельную эксплуатацию лесных богатств и вынуждено было снова обратиться за содействием в этом вопросе к купцам-арендаторам. Однако теперь при посредничестве частных предпринимателей правительство несколько в иной форме организовало эксплуатацию природных богатств. Во главе организации лесного дела был поставлен Ганс Скоп, получивший титул «справцы товаров лесных». Его задачами были наём работников и устройство в лесах заготовительных участков. Для уменьшения финансовых затрат и ускорения лесного производства правительство в 1560 году разрешило Гансу Скопу и его людям беспошлинную покупку тяглого скота и продовольственных товаров для деятельности заготовительных лесных буд. Поручив ведение лесного хозяйства Гансу Скопу, правительство по-прежнему не ослабляет действие лесной монополии. Действует запрет на самостоятельный вывоз лесных товаров за границу, включая лесные товары, заготовленные феодалами. Согласно великокняжескому распоряжению от 1566 года на имя служащих Ковенской таможи, все лесные товары должны были сдаваться подчинённым Ганса Скопа, которые уплачивали по монопольной цене стоимость товара, предоставленного предпринимателем, а сам товар становился собственностью государственной казны и впоследствии продавался на внешнем рынке [3, с. 270].

Следовательно, с поручением ведения лесного хозяйства Гансу Скопу должна была прекратиться всякая частная предпринимательская хозяйственная деятельность в лесном деле. Об этом свидетельствует уведомление на имя Жмудского старосты Иеронима Ходкевича о полномочиях Ганса Скопа, об оказании ему содействия в лесной предпринимательской деятельности, а также запрет на выработку лесных товаров, распространяющийся на представителей всех сословий [3, с. 271].

Однако такая система, когда ведение лесной хозяйственной деятельности концентрировалось в одних руках, правительством вводилась не повсеместно. Лесные заготовительные работы проводились по поручению правительства его агентами или, как ранее, купцами-арендаторами. При сдаче лесных участков на разработку в аренду купцам великокняжеская администрация заключала с ними контракт, невыполнение которого каралось «горлом» и «маетностью». Весь заготовленный предпринимателями лесной товар поступал в распоряжение государственной казны, и его впоследствии великокняжеские агенты продавали на внешнем рынке.

Такие разнообразные приёмы ведения лесной хозяйственной политики объясняются или отсутствием необходимого количества богатых инвесторов, или же попыткой государства найти наиболее экономически рентабельный способ ведения лесной хозяйственной деятельности. По мнению В. И. Пичеты, отдача пущ и лесов для эксплуатации одному лицу была наиболее предпочтительна для правительства [3, с. 271]. Так, например, великий князь в 1571 году по соглашению с радой отдал разработку лесных работ секретарю Валенту Иберфельту. Ему разрешили разработку государственных пущ в районе рижского порта (в частности, тивунствах и замках Витебска), в Браславе, Дисне, Лепеле, Улле, Сураже, Мстиславле, Могилёве, Борисове, Свислочи, Бобруйске, Кричеве, Чечерске, Пропойске. Тем не менее, как констатирует В. И. Пичета, правительству приходилось одновременно отступать от этого хозяйственного приёма и отдавать в аренду для лесных работ разным лицам тот или иной застенок. Так, например, Григорий Волович получил в Одельском лесничестве застенок, который впоследствии перешёл в его пожизненное пользование [3, с. 272].

Таким образом, сложившееся в 60-е годы XVI века государственное устройство лесного хозяйства было направлено на описание великокняжеских лесных богатств, охрану пущ, наведение контроля и ограничение прав

на входы в лесные территории, выдачу патентов на разработку лесных участков тем или иным лицам, скупку всех лесных товаров и монопольную их продажу на внешнем рынке. Аграрные мероприятия, проводимые в рамках волочной устави и направленные на рационализацию лесных ресурсов, носили локальный характер и не могли существенным образом затронуть общий ход ведения лесного хозяйства страны.

Развивающаяся лесная торговля проникала всё более глубоко в ВКЛ, втягивала в экономическую зависимость от себя даже отдалённые регионы страны и вызывала необходимость реорганизации существующего лесного хозяйства. Продолжающаяся Ливонская война вызвала усиленную потребность в деньгах, а это особенно отражалось на росте таможенных ставок. Так, например, в 1566 году были сильно повышены таможенные пошлины на вывоз леса и лесных продуктов. Поэтому результаты проводимой Григорием Воловичем ревизии привели правительство к выводу о необходимости более рационального ведения лесного хозяйства и управления им, а также к более эффективной его охране. На все эти выдвинутые ревизией и хозяйственной практикой вопросы должна была ответить опубликованная в Кнышине 27 февраля 1567 года лесная устава.

На основании Кнышинской лесной устави великокняжеские пущи разбивались на лесничества, во главе которых стояли лесничие, назначенные великим князем. Помощниками и служащими лесничего являлись гаёвники, осочники, стрельцы, ловцы, бобровники, бортники и подлазники. Каждая категория служащих под управлением лесничего выполняла специализированные функции. Гаёвники являлись ближайшими помощниками лесничего и выполняли его поручения. Осочники охраняли пущу от несанкционированных входов, не допускали охоты и контролировали хозяйственные работы в пуще. Стрельцы занимались охраной леса и вместе с ловцами участвовали в охоте и промысле лесного зверя. Бобровники

специализировались на ловле бобров. Бортники и подлазники осаживали бортные деревья пчёлами и собирали мёд. За свою лесную службу эти категории населения получали наделы земли и должны были нести определённые платежи и повинности. Осочники и стрельцы получали за службу, как правило, две волоки земли, ловцы, бобровники, бортники и подлазники владели, в основном, одной волокой земли. Впрочем, в разных регионах страны земельные пожалования лесным служащим незначительно могли отличаться. В повинностном и податном отношении перечисленные категории населения, как правило, выполняли только свою собственную службу перед великим князем, не неся дополнительных повинностных и податных обязанностей, за исключением случаев, когда отдельные лица из перечисленных категорий брали дополнительные наделы земли, а также тех незначительных платежей, которые они уплачивали своему лесничему.

Центральными фигурами лесного хозяйства являлись лесничие. Они назначались великим князем, и их служба была обычно пожизненной и считалась довольно почётной. Должность лесничего получали, как правило, лица, имеющие ранее такие провинциальные статусы, как хорунжий, ловчий, земский судья, писарь. В определённых случаях государственные служащие могли совмещать другие, более важные должности, с местом лесничего и даже получить одновременно должности нескольких лесничих. В таких случаях, по причине затруднения исполнять надлежащим образом свои обязанности в нескольких местах, лесничества сдавались в аренду за определённую денежную сумму.

Основные обязанности лесничего — отслеживать общее состояние пуши и осуществлять надзор за разработкой лесных уступов. Лесничие должны были налаживать охрану лесного зверя и других природных богатств. Никто из посторонних не имел права охотиться в великокняжеских лесах без «господарского листа». Лесничим предписы-

валась организация стрелецкой службы для ведения коллективной охоты, чтобы проводить заготовку пушного и иного зверя. Лесничие следили, чтобы в пуцах не создавали проезжих дорог без хозяйственной надобности, если же они возникали, то лесничие должны были их засыпать.

Важной функцией лесничего был надзор за сохранностью великокняжеского леса. Самовольная рубка строевого леса не допускалась, она производилась только по распоряжению великокняжеской администрации. Только лесничий под свою ответственность мог выдать строевое дерево, и то лишь в случае экстренной помощи кому-нибудь из держателей государственных волок. При этом лесничий ставил в известность о своём решении державца, от которого обязан был взять определённую финансовую справку, являющуюся для лесничего оправдательным отчётным документом перед ревизорами. Лесная устава 1567 года запрещала лесничим разработку лесных товаров для собственных нужд. Феодалы и церковные крестьяне, а также жители не великокняжеских городов и местечек не имели права входа в лес для заготовки дров и для сбора даров леса. Для нужд великокняжеских дворов и приписанных к ним крестьян можно было брать только сухое дерево [3, с. 268—269].

Реформируя лесное хозяйство, правительство стремилось также разбить на волоки некоторые леса для увеличения площадей, занятых под сельскохозяйственные культуры. Это делалось там, где были вырублены леса после интенсивной эксплуатации пуши. Забота о заселении сёл и ведении сельскохозяйственных работ также лежала на лесничем. Осевшие на новом месте крестьяне получали от властей льготу в платежах и несении повинностей.

В заведование лесничего попадали и лесные сеножати. Но лесничему запрещалось их кому-либо продавать и брать за них «постожное», он лишь был обязан следить за тем, чтобы их использование соответствовало великокняжеским инструкциям («уставы на волоки»),

раздачей же сенокосов распоряжались государственные ревизоры и мерники.

Кнышинская лесная устава была направлена на то, чтобы никакая доходная статья государственных лесов не пропадала даром. В деятельность лесничего входил контроль над тем, чтобы бортные деревья были своевременно «осажены» пчёлами. Распоряжались собранным лесным мёдом по специальному великокняжескому положению. В функции лесничего входил надзор над ловлей бобров, контроль над постановкой в лесных реках езов. Лесничие также заведовали корчмами, находящимися в пределах их лесничества, и собирали с них государственные платежи.

Лесничие осуществляли надзор за тяглыми крестьянами и собирали с них чинш, следили за исполнением повинностей, собирали подати с осадных людей и собственных подчинённых.

Лесная устава 1567 года требовала от лесничих строгого соблюдения предписываемых ею правил и инструкций, за неисполнение которых лесничие лишались своих должностей.

За управление лесным хозяйством и надзор над ним лесничий получал достойное вознаграждение, которое заключалось в пользовании девятью волоками земли (три на фольварк и шесть населённых волок для его обработки). Кроме того, лесничий получал по грошу с каждой оседлой волоки и по бочке овса с каждой десятой волоки, если держатели их входили в лес за сухим деревом. В пользу лесничего поступают поклоны от его служащих и тех крестьян, которые сидели на льготных земельных наделах, а также «пересуды» от подвластного ему населения [3, с. 267—269].

Следовательно, Кнышинская лесная устава 1567 года основной своей целью ставила централизацию лесного хозяйства и взятие его под строгий контроль великокняжеской администрации. Великий князь и его правительство возлагают на своих служащих в основном лишь контролирующие функции и обязанности проведения и исполнения великокняжеских распоряжений, лишая их тем самым хозяйственной самостоятельности. Как

считает В. И. Пичета, централизация управления лесного хозяйства — это главный приём всей хозяйственной политики Сигизмунда-Августа. К тому же лесная устава 1567 года, являлась, по его мнению, существенным дополнением «Уставы на волоки 1557 года» [3, с. 268].

Последовательность хозяйственной политики правительства в лесном деле наблюдалась в Бобруйской уставе 1626 года, которая являлась продолжением аграрной политики правительства в русле «Уставы на волоки 1557 года» в восточных областях страны. Этот великокняжеский документ частично сохраняет права подданных в отношении пользования лесными и речными богатствами, однако ограничивает их возможности свободно распоряжаться доходами от лесных промыслов. Так, например, население имело право свободно ловить бобров, но ему запрещалось продавать меха без уведомления великокняжеской администрации. Правительство монопольно определяло цену меха бобра, и население было обязано продавать его в государственную казну, которая потом перепродавала лесные товары на внешнем рынке. Устава также точно определяет цену убитого волка или лисицы. Лишь в случае отказа властей от закупки населению разрешалось продать свой лесной товар третьему лицу. На основании Бобруйской уставы 1626 года можно утверждать, что охота в государственных пушках не разрешалась подданным великого князя. Если кому-либо каким-то образом удавалось добыть лося или косулю, то мясо сдавалось местной великокняжеской администрации. Мелкие лесные звери и птица оставались в распоряжении подданных, но продавать их можно было тоже только государству. Бобруйская устава, заботясь о рациональном использовании лесных продуктов, предписывает великокняжеской администрации распределять бортные деревья среди сёл и взимать с них медовую плату [6, с. 150].

Заключение. Реформы в лесном хозяйстве в XVI века отвечали сформировавшейся

новой благоприятной экономической конъюнктуре, которую обуславливали увеличившаяся торговля с Западной Европой, усиленный спрос на сельскохозяйственное и лесное сырьё. Мероприятия великокняжеского правительства в лесном хозяйстве ликвидировали старые формы эксплуатации лесных богатств, отграничивали государственную лесную территорию от частных владений, усиливали охрану пущ и лесных богатств, фиксировали права на входы в лес частных лиц и оптимизировали повинностное и податное отношение зависимого населения по отношению к государству, стремились с максимальной отдачей использовать лесные ресурсы и территорию, а главное, — планомерно и рационально вести промышленную лесную деятельность и торговлю лесными товарами.

Лесные хозяйственные мероприятия великокняжеского правительства, как и аграрная реформа 1557 года, ускорили процесс распада натурального хозяйства и способствовали формированию денежных рыночных отношений, содействовали усилению внешней торговли и установлению тесной связи

с экономикой и культурой стран Западной Европы, вовлекали ВКЛ в круговорот европейской политики.

Список цитированных источников

1. Пичета, В. И. Юридическое положение сельского населения на частновладельческих землях ко времени издания Литовского Статута 1529 г. / В. И. Пичета // Белоруссия и Литва XV — XVI вв. / под ред. З. Ю. Копыцкого, В. Д. Королюка, Н. И. Улащика. — М. : Изд-во АН СССР, Ин-т славяноведения, 1961. — С. 283—413.
2. Довнар-Запольский, М. В. История Белоруссии / М. В. Довнар-Запольский. — Минск : Беларусь, 2003. — 680 с.
3. Пичета, В. И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве / В. И. Пичета. — М. : Изд-во АН СССР, 1958. — 547 с.
4. Пичета, В. И. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии (до конца XVI в.) / В. И. Пичета. — Минск : Изд-во Наркомзема, 1927. — 179 с.
5. Даўгяла, З. І. Свіслацкая воласць у 1560 г. / З. І. Даўгяла // Наш край. — 1927. — № 12. — С. 21—37.
6. Пичета, В. И. Аграрная реформа в восточных областях Литовско-Русского государства во второй половине XVI в. и начале XVII в. / В. И. Пичета // Белоруссия и Литва XV — XVI вв. / под ред. З. Ю. Копыцкого, В. Д. Королюка, Н. И. Улащика. — М. : Изд-во АН СССР, Ин-т славяноведения, 1961. — С. 121—151.

Материал поступил в редакцию 09.09.2014 г.

This article describes the main stages in the forestry reforms conducted by the government of the Great Duchy of Lithuania in the XVI century. The article describes the main economic methods in the management and governance in forestry and trading of the forestry produce. The author has concluded that the forestry reforms in the XVI century resulted from the favourable economic conditions which were predetermined by the trade increase with Western Europe and the growing demand for agricultural and forestry produce. The measures in forestry taken by the GDL government abolished the old forms of forest resources exploitation, separated the state forests from the private ones, improved the guarding of dense forests and forest resources, formulated clearly the easement rights of feudal lords and optimized the duty conditions of the dependent population in relation to the state. These measures were aimed at the maximum use of forest resources and, most importantly, at the maintaining of the balanced and rational industrial forestry and the trade of forest produce.

The forestry reforms conducted by the GDL government fostered the disintegration of the subsistence production ('natural economy') and encouraged the formation of the market finances; they contributed to the improvements in foreign trade and the establishment of close links with the economy and culture of the Western European countries; they also placed GDL within the framework of European politics.

Key words: forestry, the GDL economy, the exploitation of forestry, forest industry reforms.